

Прислужницы из других дворцов испуганно жались к стенам, а служители Императорской сокровищницы и вовсе склонились так низко, будто пытались зарыться головами в землю.

Свист рассекающего воздух кнута, глухие удары по телу и истошные вопли слились в единый страшный гул. Лишь когда крики затихли, перейдя в едва различимый, прерывистый хрип, экзекуция наконец прекратилась.

Когда стих последний свист плети, в залах сокровищницы воцарилась такая тишина, что отчетливо слышался каждый вздох.

Никто из присутствующих не смел даже вздохнуть, боясь привлечь к себе внимание.

Они и помыслить не могли, что в это место явится сама Старшая принцесса.

Императорская сокровищница ведала личной казной дворца и всеми бытовыми вопросами. Место это было теплое, прибыльное, попасть сюда стремились многие, и те немногие, кому удавалось закрепиться в ведомстве, глупцами определенно не были.

Если уж они осмелились урезать причитающееся принцу содержание, то лишь потому, что твердо знали: за сироту некому вступить. Будь у мальчика хоть малейшая опора в лице материнского клана или какого-нибудь влиятельного вельможи, служители вели бы себя тише воды, ниже травы, как бы сильно тот ни бедствовал.

Но кто мог предположить, что самая знатная и почитаемая принцесса империи лично явится сюда, чтобы защитить его?

Пред ней трепетал даже сам главный евнух сокровищницы, не смея выказать и тени непочтения.

Пока принцесса не давала дозволения подняться, провинившиеся так и оставались расprostертыми на холодном полу.

Сама же принцесса неторопливо попивала чай. Напиток ей явно пришелся не по вкусу: сделав первый же глоток, она брезгливо нахмурилась.

Сцена жестокого наказания была слишком кровавой для столь юного ребенка. Беспокоясь, Юй Хэ повернулась к сидевшему рядом брату, но обнаружила, что тот преспокойно пьет воду — должно быть, пытался унять волнение.

Маленький принц достал из висевшей на плече сумки аккуратный бамбуковый тубус — простую флягу, вырезанную из свежего зеленого стебля и наполненную ключевой водой. Мальчик сделал крошечный глоток и от удовольствия слегка прикрыл глаза.

Напиток выглядел на редкость освежающим.

Сделав еще глоток, Юй Нин прислонился к спинке кресла и, подняв глаза, обнаружил, что сестра неотрывно наблюдает за ним и его неказистым бамбуковым тубусом.

Юй Нин поспешно выпрямился. Слегка поколебавшись, он вытащил из сумки для книг еще один, совершенно новый бамбуковый тубус и бережно протянул принцессе:

— Если императорская сестра не побрезгует...

Эта царственная особа с колыбели привыкла к роскоши и изысканным вещам, а его поделка выглядела на редкость простой и невзрачной. Юй Нину стало неловко, но не успел он убрать руку, как принцесса бесцеремонно забрала флягу.

Сделав глоток, Юй Хэ удивленно приподняла брови, но тут же напустила на себя равнодушный вид и бесстрастно обронила:

— Приятный, с легкой сладостью.

Юй Нин мягко улыбнулся:

— Там сушеная мушмула. Она хорошо помогает при кашле.

Принцесса сухо кивнула и сделала еще один глоток. Расправляя складки на парчовом рукаве, она заговорила прежним скучающим тоном:

— Вообще-то, это Юй Бэйчжэн просил меня разыскать тебя. Он велел передать, что в ближайшие дни у него вряд ли получится прийти поиграть.

Она так тщательно подбирала слова, оправдывая свое появление, словно для нее было жизненно важно не показаться излишне заботливой.

Юй Нин угас на глазах и лишь тихо обронил короткое «да», даже не поинтересовавшись, почему его друг занят.

Расстроившись, мальчик опустил голову, его плечи поникли, а взгляд сделался совсем тусклым — в этот миг он походил на нежный, увядающий бутон, которому так и не дали распуститься.

Принцесса замаялась, мучительно пытаясь сообразить, как его утешить, когда вдруг с улицы донесся яростный рев:

— Какой ублюдок посмел поднять руку на моего брата Сяо Нина?!

Глаза Юй Нина радостно вспыхнули. Он мигом соскочил с кресла и бросился к выходу:

— Брат Бэйчжэн!

Сердца служителей сокровищницы разом ушли в пятки.

В отличие от рассудительной принцессы, этот юный возмутитель спокойствия захаживал в сокровищницу регулярно. Каждый его визит стоил здешним зрителям немалого количества седых волос — особенно были от него в Строительном приказе и Оружейной палате.

Четвертый принц вечно требовал самые немыслимые вещи, а Его Величество лично распорядился выдавать капризному сыну все, что тот пожелает, не считаясь ни с какими расходами.

Что за напасть такая стряслась с этим тихим Седьмым принцем, если ради него в сокровищницу явились сразу два главных дворцовых демоненка из трех?!

Дело в том, что перед уходом во дворец принцесса предусмотрительно отправила слугу к Юй Бэйчжэну с вестью о том, что его ненаглядного младшего брата притесняют обнаглевшие евнухи.

Услышав это, Юй Бэйчжэн мгновенно забыл о строгих материнских наставлениях. Наплевав на уроки и бросив ошарашенных учителей, он сломя голову помчался сюда напрямик из Императорской академии.

Едва переводя дух от долгого бега, мальчик окинул стоящую на коленях толпу ледяным, яростным взглядом. Его кулаки сжимались от бешенства.

Ему казалось, будто весь мир ополчился против его беззащитного Сяо Нина. Наказы собственной матери он оспорить не смел, но уж приструнить кучку обнаглевших холопов ему никто не помешает!

Обуреваемый яростью, Юй Бэйчжэн принялся пинать оцепеневших служителей одного за другим. Будучи внуком прославленного Генерала-защитника государства, он бил умело и со знанием дела. Мальчишка прекрасно понимал, что в силу возраста не сможет свалить взрослого мужика обычным ударом, а потому целился напрямик в шею распластавшихся на полу людей. Боль и паника, охватившие несчастных, были неопишутельны.

— Кто из вас, паскудников, посмел обидеть моего младшего брата?!

— Вы что, совсем берега попутали?! На императорского принца пасть раззинули!

— Хотите, я вас лично на тот свет отправлю?!

— Чертовы шавки! Только и умеете, что перед сильными пресмыкаться, а слабых топтать!

Избитые служители грудой валились друг на друга, оглашая залы стонами. Прислуга из других дворцов, пришедшая по делам, мечтала лишь об одном — незаметно убраться прочь, но никто не смел сделать и шага. Все они застыли на месте, превратившись в безмолвные живые изваяния.

— Довольно, — брезгливо бросила Юй Хэ. — Посмотри на себя. Разве подобает императорскому сыну устраивать подобное бесчинство?

Юй Бэйчжэн недовольно надулся, но смолчал.

Юй Нин осторожно шагнул вперед и снова тихонько позвал:

— Брат Бэйчжэн...

В первый раз мальчик позвал слишком тихо, и Юй Бэйчжэн из-за собственного крика ничего не разобрал. Теперь же он мгновенно обернулся на мягкий голосок брата и порывисто произнес:

— Сяо Нин, подожди немного! Я сейчас быстро спущу с этих тварей шкуру, и больше ни одна пададь не посмеет косо на тебя посмотреть!

— Не нужно, брат Бэйчжэн, — Юй Нин сделал еще шаг и легонько сжал его горячую ладонь своей прохладной ручкой. — Императорская сестра их уже проучила. Пойдем лучше домой. У меня как раз появились новые задумки для нашего миниатюрного арбалета.

Стоило Сяо Нину взять его за руку, как вся воинственность Четвертого принца испарилась без следа. А уж услышав про новые чертежи, он и вовсе позабыл о распростертых на полу холопах.

— Хорошо, хорошо, мы уходим! — тут же расплылся в улыбке Юй Бэйчжэн. Но перед тем как развернуться, он с размаху опустил тяжелый сапог на спину стонущего зрителя и прошипел: — Запомни, пададь: Сяо Нин — мой брат и законный принц этой империи! Если до меня дойдет хоть единый слух, что вы обделили его хотя бы ржавой монетой, клянусь, вы все отправитесь гнить на северную границу!

— Слушаюсь! Нижайшие слуги не посмеют! Пощадите, Ваше Высочество!

Едва ли не рыдая от облегчения, избитые зрители сокровищницы проводили царственных детей взглядами. Лишь когда шаги тех окончательно затихли в коридоре, слуги со стонами поднялись с пола и поспешили отправить кого-то в Императорский медицинский приказ.

Оказавшись за воротами ведомства, Юй Нин искренне поблагодарил сестру:

— Спасибо тебе за помощь, старшая сестра.

Юй Хэ лишь равнодушно пожала плечами, всем своим видом показывая, что совершила это мимоходом и без особого умысла.

Она была немногим старше Юй Бэйчжэна, но в ее осанке и тонких чертах лица уже сквозило врожденное величие будущей правительницы.

— Запомни одну простую вещь, — властно произнесла она. — Мы — господа, они — наши слуги. Они должны испытывать к нам непреклонный, священный трепет.

— Вот-вот! — горячо поддержал сестру Юй Бэйчжэн. — Сяо Нин, ты должен сделать так, чтобы при виде тебя у них коленки дрожали!

Юй Нин перевел взгляд с сестры на брата. В его чистых глазах промелькнуло легкое, детское недоумение, которое, впрочем, ни на миг не нарушило привычного душевного покоя.

— А разве... в этом есть какая-то необходимость?

Перед мысленным взором Юй Хэ вновь предстала сцена, которую она застала у ворот сокровищницы.

Свора подлых слуг, привыкших заискивать перед сильными и выказывать спесь слабым, осыпала сироту едкими насмешками. А этот тонкий, хрупкий ребенок просто молча стоял под градом издевок. Он держался с таким достоинством и поразительным спокойствием, словно его окружал невидимый, неприступный барьер. Смотря на взрослых мужчин, превосходивших его ростом вдвое, он умудрялся глядеть на них как бы свысока.

Сперва Юй Хэ решила, что это надменное презрение. Он ведь плоть от плоти Линь Цинжань и Императора Дашэна — для столь благородной крови копошение дворцовой челяди должно казаться лишь дешевым фарсом. И неважно, что мальчику исполнилось всего семь лет.

Именно эта поразительная отстраненность заставила ее тогда вмешаться. Однако теперь принцесса осознала свою ошибку: в поведении мальчика не было высокомерия. Ему было просто все равно. Жалкие потуги слуг не казались ему забавным зрелищем — они попросту не заслуживали его внимания.

Юй Хэ пока не могла определить, какая из этих черт характера полезнее для будущего правителя, но в одном она не сомневалась: страх — лучший инструмент повиновения.

— Нужда есть, — твердо повторила она.

— Вот именно! Будем бить их до тех пор, пока от одного твоего имени они не начнут мочить штаны! — воинственно выпалил Юй Бэйчжэн.

Юй Нин лишь удивленно захлопал ресницами.

В тот ясный день между тремя юными душами впервые пролегла невидимая черта — разница в их восприятии этого мира. Они были еще слишком молоды и не догадывались, суждено ли этим взглядам измениться под ветрами грядущих бурь, из-за роковых встреч или тяжелых потрясений, которые уже готовили для них безжалостные годы.

Но планам Юй Бэйчжэна не суждено было сбыться. Не успели они дойти до дворца Сяо Нина, как их перехватили личные слуги супруги Дэ. Маленького смутьяна бесцеремонно скрутили и уволокли обратно за парту в академию.

На пыльной дорожке остались лишь Юй Нин и Юй Хэ. Некоторое время они молча переглядывались.

Наконец Юй Хэ смущенно отвернулась и, напустив на себя безразличный вид, обронила:

— Завтра в академии день отдыха.

«А?»

Юй Нин и сам прекрасно знал, что завтра уроков не будет. Но к чему клонила принцесса? Мальчик никогда толком не общался со сверстницами — да и вообще за годы затворничества отвык от простых человеческих бесед, — а потому сейчас чувствовал себя крайне растерянным.

Изрядно поломав голову над скрытым смыслом ее слов, он наконец вежливо улыбнулся:

— Тогда... пусть императорская сестра как следует отдохнет завтра.

Юй Хэ вспыхнула от досады, круто развернулась на каблуках и стремительно зашагала прочь.

Однако не успела она сделать и пяти шагов, как почувствовала легкое натяжение ткани. Ее шелковый подол осторожно придерживала худая, бледная детская ручка.

Юй Нин обогнал ее и, заглядывая в лицо, протянул принцессе свежий бамбуковый тубус с водой и аккуратный мешочек с сушеной мушмулой. Мальчик держал подношение обеими руками, а его глаза светились искренней теплотой.

Он не понимал девичьих капризов и не догадывался, чего именно ждала от него принцесса. Да и не водилось у бедного Седьмого принца вещей, способных удивить столь высокую особу. Но он заметил, что Юй Хэ понравился его напиток, а потому решил просто поделиться тем немногим, что имел при себе.

Юй Хэ опустила взгляд на протянутые гостинцы. Смерив брата изучающим взором, она тихонько, удовлетворенно фыркнула, забрала флягу с мешочком и поспешила прочь, не в силах сдержать торжествующей улыбки.

Когда Юй Нин вернулся во Двор Белого Лета, оказалось, что люди из сокровищницы уже доставили припасы. На сей раз они не только не посмели ничего утаить, но и сполна вернули все, что недодали мальчику за прошедшие полгода.

Посреди заваленной припасами комнаты растерянно стояла няня Линь, а Няньнянь радостно скакал среди дорогих рулонов ткани, оглашая дом звонким лаем.

— Седьмой принц... откуда столько добра? — в голосе няни Линь не было радости. Старушка испуганно оглядывала горы шелка и угля.

— Няня, не беспокойся, — мягко успокоил ее Юй Нин. — В сокровищнице теперь строгий присмотр. В ближайшее время урезать наше содержание никто не посмеет.

Няня Линь нахмурилась. Она долго и молча всматривалась в принесенные вещи, и Юй Нин впервые в жизни заметил на ее прежде кротком лице тень глубокой, затаенной неприязни.

— Главный евнух сокровищницы — родной отец супруги Бай, — глухо проговорила она. — Разве найдется в этом дворце хоть кто-то, способный его приструнить?

— Впрочем, пустое, — старушка покачала головой и, наклонившись, бережно провела рукой по самому добротному рулону. — Из этого выйдет отличный халат. Я сошью Вашему Высочеству новую праздничную одежду.

Юй Нин долго смотрел на ее сгорбленный силуэт. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но вовремя осекся и лишь безмолвно сжал губы.

Вернувшись к себе в кабинет, Юй Нин сразу же посмотрел на парящую в воздухе «Небесную книгу». Ему показалось странным, что на светящихся страницах уже долгое время не появлялось ни единого сообщения от загадочных покровителей.

— Вы ушли отдыхать и до сих пор не вернулись? — тихо спросил он у мерцающего экрана.

Стоило вопросу прозвучать в тишине комнаты, как на «Небесной книге» торопливым каскадом начали вспыхивать ровные строчки текста.

[Принцесса Биша: □ В комнате под номером два в юго-восточной части сокровищницы некий зритель по фамилии Ван подменил предназначенное для Благородной супруги гнездо стрижа-саланганы на дешевую подделку. Пособничал ему мужчина с приметной родинкой возле рта.]

[□ На втором этаже в самом северном углу заднего двора сокровищницы мужчина в синем чиновничьем халате со сломанным носом прячет под кроватью женское нижнее белье с изысканной, сложной вышивкой. Наверняка оно принадлежит не простой служанке.]

[□ На верхнем этаже западного павильона сокровищницы несколько писцов ведут двойную бухгалтерию: одну и ту же партию армейского снаряжения они заносят в разные книги под разными суммами.]

Строки продолжали сыпаться нескончаемым потоком. Только когда на экране появилось около двух десятков подобных донесений, безумный бег букв замедлился, уступая место живым сообщениям от пользователей.

"Я сейчас расплачусь от обиды, сердце разрывается..."

"Малыш, прикончи их всех!"

Когда Юй Нин робко предложил им «сходить погулять», искушенные межзвездные игроки сразу поняли: ребенок просто пытался уберечь их от зрелища собственного унижения.

Из чистой чуткости они притворились, будто послушно покинули игру. В чате воцарилась тишина, но на самом деле тысячи людей, затаив дыхание, продолжали следить за происходящим через экраны оптических компьютеров. Им до смерти хотелось узнать, что за напасть заставила их любимца так замкнуться в себе.

Однако стоило им увидеть, как бледного, хрупкого кроху безжалостно травят и высмеивают взрослые, заносчивые мужчины, а тот лишь покорно сносит удары судьбы, игроки едва не сошли с ума от ярости. Это ведь был их любимый Малыш! Такой чистый, такой беззащитный ребенок, которого они всем сердцем стремились уберечь от невзгод.

Но больше всего жителей будущего, ставивших душевное здоровье превыше всего, ужаснул другой факт. Среди игроков было немало опытных психотерапевтов Межзвездной Федерации, и они сразу заподозрили неладное: затяжное затворничество нанесло глубокую травму неокрепшей психике мальчика.

За время трансляций они успели досконально изучить короткую жизнь Юй Нина. Его мать ушла из жизни, когда он был совсем крохой. В самый важный период взросления, когда ребенок учится доверять миру и проявлять чувства, Седьмой принц оставался наедине с собой в холодном, пустом дворце.

Няня Линь преданно заботилась о его быте, но была сурова и держала дистанцию, не даря мальчику материнской ласки. Единственной живой душой, к которой мог привязаться ребенок, был крошечный щенок Няньнянь, и того подобрали на улице совсем недавно.

Малыш рос без друзей и сверстников, ему не с кем было разделить свои детские страхи и радости. Он мог сутками не произносить ни слова, заживо замурованный в собственном одиночестве и полностью отрезанный от окружающего мира.

Даже стоя перед глумящейся толпой, Юй Нин оставался пугающе безмятежным. Он словно не улавливал чужой злобы, не умел сердиться или обижаться — казалось, в его душе попросту отсутствовала надлежащая эмоциональная деталь.

Но в то же время он нашел в себе силы попросить своих невидимых друзей удалиться, чтобы избавить их от тяжелого зрелища.

Пользователи с суровых военных планет Федерации буквально задохнулись от бессильной ярости и щемящей нежности к своему подопечному.

Спокойствие, с которым Малыш перенес унижение, наглядно доказывало: подобное происходило с ним далеко не впервые. Одному небу было известно, сколько раз этот одинокий кроха стоял вот так под палящим солнцем, пока кучка ничтожных слуг безнаказанно измывалась над ним.

Накопившийся гнев игроков лавиной обрушился на зрителей сокровищницы. Будь у них воля, они бы стерли это проклятое ведомство в порошок точечным ударом орбитального фотонного орудия.

Радиус обзора игрового терминала ограничивался окружностью в тысячу метров с центром на самом Юй Нине.

И пока мальчика мариновали под палящим солнцем у закрытых ворот, разъяренные пользователи успели перерыть каждый закоулок Императорской сокровищницы, до которого могли дотянуться их сканеры. Они выудили столько грязного белья и компромата, что этих ублюдков можно было казнить десятком раз.

"Малыш, не бойся ничего! Отныне мы твоя личная разведка. Будем собирать сведения и выявлять предателей, никто больше пальцем тебя не тронет!"

"Мы создадим для тебя целое ведомство тайных агентов!"

"Малыш, пожалуйста, не грусти, мы всегда с тобой..."

Юй Нин действительно не чувствовал обиды и не придавал значения пережитому. Но эти далекие, неведомые ему люди воспринимали его боль как свою собственную.

Странное, совершенно новое и неведомое чувство теплой волной затопило грудь мальчика, заставив его крошечный мизинец невольно дрогнуть и сжаться.

<http://bllate.org/book/18427/1784897>